

УДК 14

DOI: 10.34670/AR.2022.51.49.024

Понятие игнавии Я.С. Друскина в ряду пограничных философских концептов

Шадрин Алексей Анатольевич

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии и гуманитарных дисциплин,
Удмуртский государственный университет,
426034, Российская Федерация, Ижевск, ул. Университетская, 1/1;
e-mail: shadrin1971@gmail.com

Аннотация

В тексте статьи рассматриваются философские понятия-концепты, появившиеся в разное время в разных национальных философских традициях, но близкие, пограничные друг другу по духу и их смысловой направленности. Это понятия игнавии (Я.С. Друскин) и скуки (Л.С. Липавский), активно обсуждавшиеся в кругу эзотерического философско-литературного содружества чинарей, понятие-концепт стеснённости («uneasiness»), или беспокойства живого, прочитываемый Ж. Делёзом при обращении к наследию Дж. Локка, а также концептуальная метафора оттягивающей тяготы, возникшая у М. Хайдеггера в связи с известным поэтическим определением философии, принадлежащим Новалису. Раскрывается связность названных концептов в аспекте затрагиваемого ими нулевого состояния, предшествующего акту творения. Показывается сопричастность соответствующих философских построений в перспективах их возможных онтико-онтологической, онто-лингвистической, лингво-социальной и собственно онто-логической интерпретаций.

Для цитирования в научных исследованиях

Шадрин А.А. Понятие игнавии Я.С. Друскина в ряду пограничных философских концептов // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Том 11. № 2А. С. 49-57. DOI: 10.34670/AR.2022.51.49.024

Ключевые слова

Иероглиф, игнавия, скука, стеснённость, беспокойство живого, оттягивающая тягота, мышление, акт творения, концепт.

Введение

Вводимое Я.С. Друскиным понятие *игнавии* граничит, или погранично, понятию *иероглифа*, впервые применённого, употреблённого в кругу чинарей Л.С. Липавским [Дмитриенко, Сажин, 1998; Шадрин, 2016]. Иероглиф предъявляет символическое отношение между событийными гранями тех или иных онто-гносео-логических состояний, нуждающихся в знаке выражения. В «Звезде бессмыслицы» – тексте, посвященном прежде всего анализу поэтики А.И. Введенского, – Друскин отмечает: «Иероглиф двузначен, он имеет собственное и несобственное значение. Собственное значение иероглифа – его определение как материального явления – физического, биологического, физиологического, психофизиологического. Его несобственное значение не может быть определено точно и однозначно, его можно передать метафорически, поэтически, иногда соединением логически несовместимых понятий, т.е. антиномией, противоречием, бессмыслицей. Иероглиф можно понимать как обращенную ко мне непрямую или косвенную речь нематериального, то есть духовного или сверхчувственного, через материальное или чувственное» [Друскин, 1998а, с. 325]. У Л.С. Липавского, в частности, знаками иероглифов служат *листопад* (цикличность существования, оппозиция жизни и смерти), *огонь* (метафора света, оппозиция света и тьмы), *вода* (метафора текучести, оппозиция времени и вечности; в «Трактате о воде» у Липавского Стоячая Вода становится «твердой как камень») и другие Знаки, в том числе литературные (*Въезд Чичикова в город* в начале гоголевских «Мертвых душ»; сочетание понятий-образов, генерирующих иероглиф: *Пристань – Дама – собачка*, – «Дама с собачкой» Чехова) и кинематографические (*Уходящая вдаль Дорога*, которой оканчивается фильм Чаплина «Пилигрим») [Липавский, 1998б]. В дневниковых записях Друскин поясняет: «Иероглиф – материальная ситуация, которая как материальная уже не материальная, а духовная или душевная. Все мои вещи начинались с видения какого-либо материального иероглифа. Только понятие “материального” надо расширить. Например: небо ночью, звуки уходящих трамваев; при переходе трамвайной линии на углу Невского и Литейного пр. (тогда по Невскому проходили трамвайные пути); прогулка в Александровском парке, дождь, солнце, радуга; желание курить, пауза между вдохом и выдохом дыма; чёрточки и линии, которые я чертил во время... игнавии; открытое окно вечером, страх выпасть, “а Бог смеется” – я видел это почти телесно, глазами» [Друскин, 1998в, с. 60].

Основная часть

Предельно кратко, сжато Друскин определяет понятие (концепт) игнавии так: «Игнавия <...> – это невозможность и быть при деле и не быть при деле (25 мая 1967)» [Цит. по: Жаккар, 1995, с. 362]. «Чёрточки и линии», «материализующие» состояние игнавии на бумаге, показывают на эту невозможность, с которой – именно в состоянии игнавии – всегда граничит неотвратимая необходимость «быть при деле». «Чёрточки и линии» – пунктир, прочерчивающий эту границу и настаивающий на ней, своего рода *иероглиф состояния игнавии*, иероглиф парных, взаимопринадлежащих (и одновременно оппозиционных) понятий невозможности и необходимости. Кажущийся «психологизм» здесь является собственно кажущимся, поскольку состояние игнавии претворяет внутреннее беспокойство мышления в его избыточной неопределённости, продавливающей горизонты собственных (пока ещё не распознанных) смыслов. «Быть-при-деле» значит всегда уже «быть-в-деле», но *быть* в состоянии неопределённости в её готовности – готовности мышления – вот-вот как-то

определиться. Хайдеггеровское экзистирующее *присутствие* (Dasein, или *вот-бытие*), по существу, говорит о том же самом: пребывание при собственной сути, но никогда не (полное) совпадение с ней, характеризует человеческую самость в её существе.

Нулевое состояние игnavии предполагает обратимость знака принадлежности к тому, что не сбывается, откладывается, обнажая невозможность «быть-при-деле» до грани её перехода в чистую неразличённость ничто, – ничтожности собственного присутствия, истощающей его до состояния отсутствия. Позитивность оборачивается негативностью. – «Игnavия, уныние, оставленность Богом, безнадежность – все это одно: я хочу возопить громким голосом и не могу (27 ноября 1965)» [Цит. по: Жаккар, 1995, с. 362]. Но даже здесь ничтожность, оставленность Богом не становятся неким действительным – абсолютным – пределом, исключающим возможность его переосмысления. Игра граней – в терминологии Друскина граней между «этим» и «тем» (или граней «этого» и «того») – продолжается [Друскин, 1998б; Друскин, 1998г]. На чём акцентирует внимание С. Жижек: «Мы едины с Богом, только когда Бог более не един с собой, оставляет себя, “усваивает” радикальную дистанцию, которая отделяет нас от него. Наш радикальный опыт удаления от Бога – это та самая черта, что объединяет нас с ним – не только в обычном мистическом смысле, что только в таком опыте мы открываем себя решительной Инаковости Бога, но в том смысле, в каком Кант говорит об унижении и боли как единственных трансцендентальных ощущениях: абсурдно полагать, что я могу идентифицировать себя с божественной благостью – только когда я испытываю бесконечную боль своего удаления от Бога, я действительно разделяю опыт самого Бога (Крестные муки Христа)» [Жижек, 2009, с. 162]. Друскин говорит об этом, выражает ту же мысль, задействуя символически универсальную связку-отношение «это – то»: «1) то – общее имя для игnavии, нулевого состояния, для ничто, для состояния точки, затерявшейся в пустом пространстве, для оно (отрицательное состояние). 2) то – другое абсолютное положительное состояние, как противопоставляемое этому, как то за тем <...>. Тогда за *тем* – Бог» [Цит. по: Жаккар, 1995, с. 362].

Чрезвычайно близким к понятию-концепту игnavии у Л.С. Липавского выступает понятие *скуки*. В трактате «О преобразованиях» Липавский пишет: «...при отсутствии событий, при скуке время ощущается особенно сильно. Это как будто утверждает существование пустого времени, воспринимаемого вне событий. На это следует ответить так. Во-первых, отсутствию событий вовсе не всегда соответствует именно скука: чаще ему соответствует сон. Так, птица засыпает, если накрыть клетку темной тканью. Во-вторых, скука наступает и при наличии событий. Так, скучают ученики на уроке, который не соответствует их желаниям. В-третьих, скука и вообще обостренное ощущение времени возникает тогда, когда имеется внутреннее беспокойство, которому нет выхода, например, при ожидании. Словом, скучают не те, у кого нет интересов, а те, у кого они есть, но из-за неподходящих условий не могут быть реализованы. Так же, как кончают самоубийством обычно не те, у кого нет жадности к жизни, а <те>, у кого она мучительно сильна, потому что не может быть удовлетворена. При скуке душа мечется как бабочка, бьющаяся бесплодно о стекло, не понимающая, что же мешает ее свободе» [Липавский, 1998а, с. 97-98]. Течение времени, вернее, его длительность «включается» в состоянии всё того же внутреннего беспокойства, когда «душа мечется». Для мечущейся души, как метафоры мышления, «безвыходность» прозрачна, но непреодолима ввиду отсутствия его определённой направленности, когда потоки мышления наслаиваются один на другой, скручиваются, перекрывают друг друга, препятствуя рефлексии. Или они разнонаправлены, что характеризует деятельность мышления как таковую. Тогда мышление сравнимо с пульсирующей мерцающей точкой, – вспыхивающей и тут же гаснущей, как бы «затерявшейся в пустом пространстве».

Вспыхивая, она на мгновение различает, освещает неопределённое множество направлений, или все направления сразу, но, не выделяя отчётливо (не высвечивая) ни одного из них, тут же гаснет. Скука проявляет *непрерывность* мышления (и дление времени) в состоянии бодрствования, тогда как состояние сна, сновидения проявляют (подтверждают) его *субъективность*. И поскольку мышление непрерывно, континуально, местом и временем (точкой) его самоопределения, саморефлексии может – способно – стать любое событие, касающееся нерва мышления, беспокоящего мышление смысла, им самим пока ещё неузнанного, или нераспознанного. В этой связи скука безусловно может названа *первопричиной любого подлинного акта* [Славой Жижек: мысли провокатора о человечестве, www]. Неслучайно у Новалиса в отношении скуки рождается метафора голода: «Скука – это голод» [Новалис, 1995, с. 155].

Ещё один концепт, также близкий концептам игнавии и скуки, прочитывается Ж. Делёзом в лекциях, посвящённых аналитике философских текстов Готфрида Вильгельма Лейбница. Говоря о Лейбнице, Делёз обращается к Дж. Локку: «...Локк – на лучших своих страницах – придумал концепт, который я назову английским словом “uneasiness”. Это, грубо говоря, неловкость, неловкое состояние. И Локк пытается объяснить, что это и есть великий принцип психической жизни. Вы видите, что это очень интересно, так как это выходит за рамки банальных поисков удовольствия или счастья. Локк, в общем и целом, говорит, что мы, вполне возможно, ищем свое удовольствие, ищем свое счастье; может быть, это и возможно, но это не так; существует своего рода беспокойство живого. Беспокойство – это и не страх, и не тоска. Лейбниц создает психологическое понятие беспокойства. Нашу “жажду” не утоляет ни удовольствие, ни счастье, ни страх; прежде всего, мы беспокойны. Нам не сидится на месте» [Делёз, 2015, с. 81-82]. Оказывается, стремление к удовольствию (казалось бы столь естественное для человеческой природы) не затрагивает, не касается нашего «внутреннего», – того, что Делёз называет *великим принципом психической жизни*. Названный принцип превышает стремление к счастью, удовольствию и/или наслаждению. Удовольствие, отождествляемое с *наслаждением*, мимолетно и уже в этом смысле недостижимо (и, безусловно, по этой же причине так притягательно, соблазнительно). Более того, в пределе, превращаясь в самоцель, удовольствие оборачивается болью (эрос), или страданием. С. Кьеркегор акцентирует: наслаждение разочаровывает, возможность – никогда [Кьеркегор, 2014, с. 69]. И конечно же «беспокойство живого» не содержит никакого биологического «подтекста» или «контекста», – крайние точки натурализации и психологизации для него недействительны. Психологическое понятие беспокойства, как его именуется Делёз, не является буквально психологическим, поскольку беспокойство в психологическом смысле нуждается в «снятии» (в терминологии Г. Гегеля), оно негативно, если мы имеем в виду его психологическую интерпретацию. И наоборот: философское (*мета-физическое*) понятие-концепт *беспокойства живого* переводит негативность в позитивность. Беспокойство живого показывает, что мы ещё живы по-человечески, то есть как люди, – внутри нас что-то происходит, нас что-то действительно интересуется, тревожит, стесняет (*uneasiness*) и понуждает мыслить.

К *uneasiness*, как некоей стеснённости, непросто подобрать понятие, близкое по смыслу и его внутренней – внутренне-внешней – интенции. Стеснённость – это то, что одновременно развёрнуто, обращено вовнутрь и вовне. В состоянии стеснённости, некоей неловкости нам действительно «не сидится на месте», но оно же сдерживает, сковывает, пытается удержать нас в том же положении. Это пограничное состояние – состояние «некоторого равновесия с

небольшой погрешностью» (формула Я.С. Друскина) – пожалуй, лучше всего выражает известное концептуальное понятие, понятие-метафора *оттягивающей тяготы* М. Хайдеггера.

Метафора оттягивающей тяготы возникает из обращения Хайдеггера к метафорическому же – поэтическому или «романтическому» – определению философии, принадлежащему Новалису: «Философия есть, собственно, ностальгия, тяга повсюду быть дома» [Хайдеггер, 1993а, с. 330]. Но мысль Новалиса значительно глубже её поэтической формы выражения. Человеческое существование в ней предстаёт захваченным (захваченным здесь-и-сейчас) двумя разнонаправленными бесконечностями – бесконечностью дома и бесконечностью не-дома. Тоска по дому предъявляет нам наше представление о нём или то, что какое-то представление о доме у/в нас присутствует, сохраняется и беспрестанно напоминает о себе. Напоминает так, что «быть дома» в пределе распространяется до/на «повсюду». И тем не менее мы находимся, застаём себя не-дома, всегда уже как-то граничащего (в нас) с домом. На гранях метафор «дома» и «не-дома» начинает разворачиваться игра смыслов и различий. Онтико-онтологическое различие напоминает нам о том, что мы, как живые существа, вписанные в этот мир, в эту природную реальность *онтически*, ни в коем случае не вписываемся в неё *онтологически*. Онтолингвистическое – о том, что язык, будучи *домом бытия*, нам самим, самому человеку не принадлежит, поскольку врождённая способность заговорить (и в дальнейшем начать мыслить), показывая на принадлежность к роду человеческому, сама собой не реализуется (опять таки не является природной). И даже более того – в силу определённых обстоятельств эта способность может быть утрачена навсегда (т.н. дети-маугли, «одичавшие», или феральные, дети), т.е. безвозвратно [«Проблематика философской концептуализации языка: *Perpetuum Mobile*», 2020]. Лингво-социальное – о том, что язык, как условно-внешняя система, целиком предопределяет наше безусловно-внутреннее: по мысли Хайдеггера, язык приводит в движение мышление, и потому «мышление, как соответствие, состоит на службе у языка» [Хайдеггер, 1993б, с. 122]. Однако мышление самого языка, о чём пытается говорить Хайдеггер, его *исток* остаётся для нас непостижимым, и коснуться вопроса о происхождении языка означает совершить нечто невозможное. – Дотянуться до истока, или начала, языкового говорения во временной, или темпоральной, перспективе невозможно, равно как и представить существование человека в его до-языковом (не-вербальном) статусе, состоянии, положении и/или модусе.

Грани собственно онто-логического различия проявляются, когда мы оказываемся предоставлены самим себе, и автоматизм повседневного не-различенного существования вдруг становится для нас очевиден. И в то же время наше собственное присутствие для нас неочевидно, неразлично. Не-дома мы там, где перестаём различать самих себя вне зависимости от рода и направленности наших занятий, или нашей «занятости». Или когда «заняться» уже нечем, но нам чего-то не хватает, и это «что-то» тяготит и одновременно притягивает, удерживает нас в состоянии неопределённости. Оттягивающая тягота собственного местопребывания требует знака выражения, способного со-вместить нас с собственной самостью, и его поиск и нахождение с необходимостью становятся делом мышления. «Куда уходим мы? – спрашивает Новалис. – Всегда домой» [Новалис, 1995, с. 153]. – К самим себе... Мы застаём себя дома там и тогда, где и когда начинаем различать собственное присутствие, местопребывание, узнавать самих себя в производимых нами знаках и/или символах. В философской традиции такие знаки именуется *концептами* (Ж. Делёз). По мысли Делёза, философские концепты – это *сигнатуры духа*, но также и *образы жизни* их авторов. Они неотделимы от имён собственных, имён философов и их потоков мышления, их субъективности, производящей себя в актах творения. – «Но это не означает, что всё это происходит только в

голове, так как концепты – это ещё и образы жизни; и если философ мыслит не больше, чем художник или музыкант, то это происходит не по выбору и не благодаря рефлексии: разные виды деятельности определяются через творчество, а не через рефлексивное измерение. А коль скоро это так, то что означает: иметь потребность в том или ином концепте? Определенным образом я говорю себе, что понятия – это ещё какие-то живые штуки, это такие штуковины с четырьмя лапами, они шевелятся, ну да! Что-то вроде цвета, что-то вроде звука. Концепты настолько живые, что можно сказать, что они вступают в отношения с тем, что кажется наиболее отдаленным от них, а именно с криком. Некоторым образом, философ – это не тот, кто поёт, а тот, кто кричит. Всякий раз, когда у вас возникает потребность кричать, я считаю, что вы недалеко от своего рода зова философии» [Делёз, 2015, с. 17].

Заключение

Философ, проживающий жизнь мышления, «кричит» тогда, когда действительно проживает и переживает её в акте (актах) творения. Концепты рождаются и, становясь знанием, прорываются, вырываются вовне в совпавших с ними Знаках (или понятиях). Причём эти «штуковины с четырьмя лапами», едва родившись, появившись на свет, тут же начинают «шевелиться», – они уже живут собственной жизнью, соприкасаясь друг с другом, поскольку их границы в рассуждениях всегда оказываются подвижны. Философской метафорой концепта у Ж. Делёза и Ф. Гваттари становится «неразделимость конечного числа разнородных составляющих, пробегаемых некоторой точкой в состоянии абсолютного парения с бесконечной скоростью» [Делёз, 1998, с. 32.]. Иначе, концепт и концепты неотделимы от их прочтения, осмысления и/или интерпретаций. Их могут связывать самые разнообразные отношения, и искусство мышления состоит в нахождении и различении этих связей, или со-возможных отношений, в выстраивании последовательностей, последовательностей-переходов, которые всякий раз должны *набрасываться заново* (Г.-Г. Гадамер). Так понятия-концепты, или философские иероглифы, игнавии, скуки, стеснённости («uneasiness»), оттягивающей тяготы раскрываются, вскрываются, приходят в движение в касании друг друга, непрерывно проясняя в этом скользющем касании собственные грани, интенции и смыслы. Они и их авторы говорят почти об одном и том же, и тем не менее это разные концепты. Они отличаются друг от друга, существуя и сосуществуя в одном общем для них пространстве философского мышления. А «существовать», подчёркивает Липавский, и значит «отличаться» [Липавский, 1998а, с. 127]. Формула (они) «почти одно и то же, но всё же не одно и то же» для них, безусловно, действительна, поскольку позволяет этим близким Знакам сосуществовать, граничить и в то же время отличаться.

Библиография

1. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? СПб.: Алетейя, 1998. 288 с.
2. Делёз Ж. Лекции о Лейбнице. 1980, 1986/87. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 376 с.
3. Дмитриенко А.Л., Сажин В.Н. Краткая история «чинарей» // «...Сборище друзей, оставленных судьбою». А. Введенский, Л. Липавский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников: «чинари» в текстах, документах и исследованиях / Сост. В.Н. Сажин. В 2 т. М., 1998. Т. 1. С. 5-45.
4. Друскин Я.С. Звезда бессмыслицы // «...Сборище друзей, оставленных судьбою». А. Введенский, Л. Липавский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников: «чинари» в текстах, документах и исследованиях / Сост. В.Н. Сажин. В 2 т. М., 1998. Т. 1. С. 323-416.
5. Друскин Я.С. Разговоры вестников // «...Сборище друзей, оставленных судьбою». А. Введенский, Л. Липавский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников: «чинари» в текстах, документах и исследованиях / Сост. В.Н. Сажин. В 2 т. М., 1998. Т. 1. С. 532-585.

6. Друскин Я.С. «Чинари» // «...Сборище друзей, оставленных судьбою». А. Введенский, Л. Липавский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников: «чинари» в текстах, документах и исследованиях / Сост. В.Н. Сажин. В 2 т. М., 1998. Т. 1. С. 46-64.
7. Друскин Я. С. Это и то // «...Сборище друзей, оставленных судьбою». А. Введенский, Л. Липавский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников: «чинари» в текстах, документах и исследованиях / Сост. В.Н. Сажин. В 2 т. М., 1998. Т. 1. С. 585-588.
8. Жаккар Ж.-Ф. Даниил Хармс и конец русского авангарда / Пер. с фр. Ф. А. Перовской. СПб.: Академический проект, 1995. 471 с.
9. Жижек С. Кукла и карлик: христианство между ересью и бунтом. М.: Издательство «Европа», 2009. 336 с.
10. Кьеркегор С. Или-или. Фрагмент из жизни. М.: Академический проект, 2014. 776 с.
11. Липавский Л.С. О преобразованиях // «...Сборище друзей, оставленных судьбою». А. Введенский, Л. Липавский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников: «чинари» в текстах, документах и исследованиях / Сост. В.Н. Сажин. В 2 т. М., 1998. Т. 1. С. 95-106.
12. Липавский Л.С. Трактат о воде // «...Сборище друзей, оставленных судьбою». А. Введенский, Л. Липавский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников: «чинари» в текстах, документах и исследованиях / Сост. В.Н. Сажин. В 2 т. М., 1998. Т. 1. С. 67-76.
13. Новалис. Гейнрих фон Офтердинген. Фрагменты. Ученики в Саисе. СПб.: Евразия, 1995 г. 240 с.
14. «Проблематика философской концептуализации языка: Perpetuum Mobile». «Круглый стол» кафедры философии и гуманитарных дисциплин совместно с Удмуртским филиалом Института философии и права Ур РАН (31 мая 2019 г.) / Н.Б. Полякова, В.В. Скобелева, А.А. Шадрин [и др.] // Вестник Удмуртского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 30, вып. 2. С. 123-131.
15. Славой Жижек: мысли провокатора о человечестве // URL: <https://brodude.ru/slavoj-zhizhek-mysli-provokatora-o-chelovechestve> (дата обращения: 14.05.2022).
16. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 327-345.
17. Хайдеггер М. Что такое философия? // Вопросы философии, 1993, № 8. С. 113-123.
18. Шадрин А.А. Сопредельные миры чинарей. Герменевтика концепта «Теории слов» Л.С. Липавского. Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2016. 148 с.

J.S. Druskin's Notion of Ignavia in a Series of Frontier Philosophical Concepts

Aleksei A. Shadrin

PhD in philosophy
Udmurt State University,
426034, 1, Universitetskaya str., Izhevsk, Russian Federation;;
e-mail: shadrin1971@gmail.com

Abstract

The text of the article discusses the philosophical concepts, which appeared at different times in different national philosophical traditions, but close, border to each other in spirit and their semantic direction. These are the concepts of ignavia (J.S. Druskin) and boredom (L.S. Lipavsky), actively discussed in the circle of the esoteric philosophical and literary commonwealth of chinari, the concept of uneasiness, or inner restlessness, read by J. Deleuze in referring to the heritage of J. Locke, as well as the conceptual metaphor of the continually returning burden that emerged in M. Heidegger in connection with the famous poetic definition of philosophy belonging to Novalis. The connectedness of these concepts is revealed in the aspect of the zero state affected by them preceding the act of creation. The implication of the corresponding philosophical constructions in

the perspectives of their possible ontico-ontological, onto-linguistic, linguo-social and ontological interpretations proper is shown.

For citation

Shadrin A.A. (2022) Ponyatie ignavii Ya.S. Druskina v ryadu pogranychnykh filosofskikh kontseptov [J.S. Druskin's Notion of Ignavia in a Series of Frontier Philosophical Concepts] *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 11 (2A), pp. 49-57. DOI: 10.34670/AR.2022.51.49.024

Keywords

Hieroglyph, ignavia, boredom, constraint, restlessness of the living, continuity of recurring burden, thinking, act of creation, concept.

References

1. Delez Zh., Gvattari F. (1998) Chto takoe filosofiya? [What is philosophy?]. Saint-Petersburg: Aletejya, 288 p.
2. Delez Zh. (2015) Lekcii o Lejbnice. 1980, 1986/87 [Lectures on Leibniz. 1980, 1986/87]. Moscow: Ad Marginem Press, 376 p.
3. Dmitrienko A.L., Sazhin V.N. (1998) Kratkaya istoriya «chinarej» [A brief history of the «chinaries»]. Sazhin V.N. (ed.) «...Sborishche družej, ostavlennyh sud'boyu». A. Vvedenskij, L. Lipavskij, Ya. Druskin, D. Harms, N. Olejnikov: «chinari» v tekstah, dokumentah i issledovaniyah [«...A gathering of friends abandoned by fate». A. Vvedensky, L. Lipavsky, Ya. Druskin, D. Harms, N. Oleinikov: «chinari» in texts, documents and research]: 2 vol. Moscow, Vol. 1, pp. 5-45.
4. Druskin Ya.S. (1998) Zvezda bessmyslycy [The Star of Nonsense]. Sazhin V.N. (ed.) «...Sborishche družej, ostavlennyh sud'boyu». A. Vvedenskij, L. Lipavskij, Ya. Druskin, D. Harms, N. Olejnikov: «chinari» v tekstah, dokumentah i issledovaniyah [«...A gathering of friends abandoned by fate». A. Vvedensky, L. Lipavsky, Ya. Druskin, D. Harms, N. Oleinikov: «chinari» in texts, documents and research]: 2 vol. Moscow, Vol. 1, pp. 323-416.
5. Druskin Ya.S. (1998) Razgovory vestnikov [Conversations of messengers]. Sazhin V.N. (ed.) «...Sborishche družej, ostavlennyh sud'boyu». A. Vvedenskij, L. Lipavskij, Ya. Druskin, D. Harms, N. Olejnikov: «chinari» v tekstah, dokumentah i issledovaniyah [«...A gathering of friends abandoned by fate». A. Vvedensky, L. Lipavsky, Ya. Druskin, D. Harms, N. Oleinikov: «chinari» in texts, documents and research]: 2 vol. Moscow, Vol. 1, pp. 532-585.
6. Druskin Ya.S. (1998) «Chinari» [«Chinari»]. Sazhin V.N. (ed.) «...Sborishche družej, ostavlennyh sud'boyu». A. Vvedenskij, L. Lipavskij, Ya. Druskin, D. Harms, N. Olejnikov: «chinari» v tekstah, dokumentah i issledovaniyah [«...A gathering of friends abandoned by fate». A. Vvedensky, L. Lipavsky, Ya. Druskin, D. Harms, N. Oleinikov: «chinari» in texts, documents and research]: 2 vol. Moscow, Vol. 1, pp. 46-64.
7. Druskin Ya.S. (1998) Eto i to [This and that]. Sazhin V.N. (ed.) «...Sborishche družej, ostavlennyh sud'boyu». A. Vvedenskij, L. Lipavskij, Ya. Druskin, D. Harms, N. Olejnikov: «chinari» v tekstah, dokumentah i issledovaniyah [«...A gathering of friends abandoned by fate». A. Vvedensky, L. Lipavsky, Ya. Druskin, D. Harms, N. Oleinikov: «chinari» in texts, documents and research]: 2 vol. Moscow, Vol. 1, pp. 585-588.
8. Zhakkar Zh.-F. (1995) Daniil Harms i konec russkogo avangarda [Daniil Kharms and the End of the Russian Avant-garde]. Sankt-Peterburg: Akademicheskij proekt, 471 p.
9. Zhizhek S. (2009) Kukla i karlik: hristianstvo mezhdru eres'yu i buntom [Doll and dwarf: Christianity between heresy and rebellion]. Moscow: Evropa, 336 p.
10. K'erkegor S. (2014) Ili-ili. Fragment iz zhizni [Either-or. A fragment from life]. Moscow: Akademicheskij proekt, 776 p.
11. Lipavskij L.S. (1998) O preobrazovaniyah [About transformations]. Sazhin V.N. (ed.) «...Sborishche družej, ostavlennyh sud'boyu». A. Vvedenskij, L. Lipavskij, Ya. Druskin, D. Harms, N. Olejnikov: «chinari» v tekstah, dokumentah i issledovaniyah [«...A gathering of friends abandoned by fate». A. Vvedensky, L. Lipavsky, Ya. Druskin, D. Harms, N. Oleinikov: «chinari» in texts, documents and research]: 2 vol. Moscow, Vol. 1, pp. 95-106.
12. Lipavskij L.S. (1998) Traktat o vode [A treatise on water]. Sazhin V.N. (ed.) «...Sborishche družej, ostavlennyh sud'boyu». A. Vvedenskij, L. Lipavskij, Ya. Druskin, D. Harms, N. Olejnikov: «chinari» v tekstah, dokumentah i issledovaniyah [«...A gathering of friends abandoned by fate». A. Vvedensky, L. Lipavsky, Ya. Druskin, D. Harms, N. Oleinikov: «chinari» in texts, documents and research]: 2 vol. Moscow, Vol. 1, pp. 67-76.
13. Novalis. (1995) Gejnrih fon Ofterdingen. Fragmenty. Ucheniki v Saise [Heinrich von Ofterdingen. Fragments. Students in Sais]. Sankt-Peterburg: Evraziya, 240 p.

14. Polyakova N.B., Skobeleva V.V., SHadrin A.A., SHamshurin A.A., YArkeev A.V. [et al.] (2020) Problematika filosofskoj konceptualizacii yazyka: Perpetuum Mobile. «Kruglyj stol» kafedry filosofii i gumanitarnyh disciplin sovmestno s Udmurtskim filialom Instituta filosofii i prava Ur RAN (31 maya 2019 goda) [Problems of philosophical conceptualization of language: Perpetuum Mobile. «Round table» of the Department of Philosophy and Humanities jointly with the Udmurt Branch of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (May 31, 2019).]. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika [Bulletin of the Udmurt University. Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy], 30 (2), pp. 123-131.
15. Slavoj Žižek: mysli provokatora o chelovechestve [Slava Žizek: the provocateur's thoughts on humanity]. Retrieved from <https://brodude.ru/slavoj-zhizhek-mysli-provokatora-o-chelovechestve>.
16. Hajdegger M. (1993) Osnovnye ponyatiya metafiziki [Basic concepts of metaphysics]. Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya [Time and Being: articles and speeches]. Moskva: Respublika, pp. 327-345.
17. Hajdegger M. (1993) Chto takoe filosofiya? [What is philosophy?] Voprosy filosofii [Questions of philosophy], 8, pp. 113-123.
18. Shadrin A.A. (2016) Sopredel'nye miry chinarej. Germenevtika koncepta «Teorii slov» L.S. Lipavskogo [Adjacent worlds of plane trees. Hermeneutics of the concept of «Theory of Words» by L.S. Lipavsky]. Izhevsk: Udmurtskij universitet, 148 p.